

ПОЭТ И РЕДАКТОР –
СОВМЕСТНАЯ ТВОРЧЕСКАЯ
РАБОТА

Изд. второе, доп.

НИНА ИНЯКИНА

**ПОЭТ И РЕДАКТОР –
СОВМЕСТНАЯ ТВОРЧЕСКАЯ РАБОТА**

(Михаил Небогатов
и Людмила Глебова)

КЕМЕРОВО, ФЕВРАЛЬ-МАРТ 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Моё знакомство с Людмилой Владимировной Глебовой состоялось в поэтическом клубе «Слово» 20 октября 2011 года. Я была приглашена на разговор о жизни и творчестве моего отца, поэта Михаила Небогатова. Среди женщин, членов клуба – самодеятельных поэтесс, я обратила внимание на одну женщину, по возрасту несколько превосходящую собравшихся. Во время моего рассказа об отце и чтения его стихов Людмила Владимировна бросила мне довольно колкое замечание: «А почему Вы не включили в Ваш сборник (я принесла и подарила клубу сборник, подготовленный к 90-летнему юбилею Небогатова, составленный из 90 его стихотворений – по числу юбилейных лет) моё любимое стихотворение ЗОРИ ВЁСЕН СО МНОЮ...?» На что я не менее колко ответила: «А Вы не заметили, что это – МОИ любимые стихотворения? А ВАШИМИ могут быть какие угодно?» Вот так, с перебранки, и началось наше знакомство. Я знала (и сказала об этом вслух), что Людмила Владимировна – редактор четырёх из шестнадцати отцовских поэтических книжек. И мне, конечно, было интересно узнать, что она за человек, как относилась к нему и к его творчеству, как ей с ним работалось, как он воспринимал – а она наверняка была – критику с её стороны. Об этом я узнала из нашего дальнейшего общения, которое, если и не переросло в дружбу, то стало всё равно приятным и интересным для обеих.

Встречались мы, как правило, на представлении очередного номера журнала «Огни Кузбасса» в Доме литераторов. И там, бывало, не обходилось без взаимных «уколов». Так, однажды, после моего выступления (я комментировала публикацию воспоминаний вдовы отца Марии Ивановны Небогатовой, которые «раскопала» в архиве и передала в редакцию журнала), выступать начала Людмила Владимировна. И я, отвечая на какой-то вопрос Анатолия Павловича Иленко, видимо, несколько нарушила тишину (он не очень хорошо слышит, и мне пришлось чуть громче, чем надо, что-то ему пояснять). Меня «огрел» грозный окрик Глебовой: «Госпожа Инякина! Мы Вас внимательно слушали! Не перебивайте и дайте же и другим сказать!» Мне стало не по себе. А Иленко, не расслышав, снова начал у меня уточнять, в чём дело. Я замахала на него руками, призывая к тишине и показывая знаками, что потом объясню. Это был, пожалуй, последний случай, когда мы с Людмилой Владимировной так крепко схлестнулись.

Дальнейшие встречи были достаточно мирными. Она слушала меня всегда с большим вниманием, живо интересовалась, как продвигаются мои дела с книгами о творчестве отца. Предисловия к ним, а вернее, задумки, я показывала Л. В. Глебовой, получала её напутствия и даже замечания и предложения к этим будущим книгам.

Последние несколько встреч были у неё на дому. Я передавала ей новые журналы, полученные специально для неё в Доме литераторов. Рассказывала, как прошло представление номера. Мы обсуждали прочитанное, отмечая наиболее понравившиеся или не очень понравившиеся вещи. До самого последнего дня она не переставала у меня интересоваться судьбой моих книг, подготовленных к печати, сетовала на то, что у этих книг не было никакого редактора. Очень хотела, чтобы их редактировал, к примеру, Валерий Зубарев, которого считала серьёзным, вдумчивым, строгим и требовательным и, вместе с тем, доброжелательным человеком. К тому же, он знал Михаила Небогатова при жизни, и ему было бы нетрудно вновь встретиться с творческим наследием старшего собрата по перу. Обе мы горевали, когда Валерий Фёдорович скорпостижно скончался. Это был просто шок!

Последними, не терпящими отлагательств делами при уже явно скором конце собственной жизни (Людмила Владимировна знала о своей болезни и спешила всё завершить), она считала: подготовку к изданию посмертной книги самодеятельного поэта Галины Мединой (члена всё того же клуба «Слово») и публикацию (она на этом настаивала!) нашей переписки с моим братом по отцу Александром Небогатовым. Книгу Г. А. Мединой составлять и редактировать она вызвалась сама. Показывала мне варианты названий всей книги и разделов, на которые она «разбила» книгу, предисловие, которое написала она сама, и, как вариант, вступительное слово руководителя клуба Надежды Кудрявцевой-Кузнецовой. Стихи, которые вошли в книгу, отбирала тщательно. Прежде всего, познакомилась со всем тем, что вышло из-под пера Галины Аркадьевны и имелось у меня в электронном и отпечатанном виде (мы – Галина Медина, Тереза Щербинина и я – литературные подруги), и только потом отсматривала то, что накопилось уже в клубе «Слово» и осталось в записях у Галины. Торопилась увидеть эту книгу изданной и просила меня, когда я прочту её, написать свой отзыв. Сказала такие слова: «Лучше Вас, Нина, этого никто не сделает!» Я была благодарна за столь высокую оценку ещё не сделанной мною работы и приняла это пожелание, как последнюю волю умирающей.

И вторая несбывшаяся её мечта: опубликование переписки двух детей поэта Небогатова, которые нашли друг друга спустя десятилетия. Людмиле Владимировне (я показывала ей фрагменты этой переписки, зародившейся всего несколько месяцев назад, в сентябре 2013 года) понравился язык, которым мы общаемся с Александром. Ей казалось, что эту переписку обязательно следует опубликовать по ряду причин: в наше время, когда идёт разобщение людей, когда во всём на первое место выходят выгода, расчёт, прагматизм, мы с Александром, наоборот, продемонстрировали крепнущие родственные связи, единство мыслей, чувств и оценок творчества отца и литературы в целом, духовное единство. К тому же, как сказала Людмила Владимировна, наша переписка – свидетельство не только родственных связей (она так и сказала: «Ваша переписка выходит далеко за рамки личного, семейного»), но и демонстрация хорошего, грамотного русского языка, на котором сейчас редко кто общается, тем более в письмах. Высшей похвалой для себя считаю её горячий отклик по прочтении писем: «Нина, я хотела позвонить Вам тут же, как только прочтала письма, но посчитала это неловким – беспокоить Вас в столь поздний час. Представляете? Уже в 9 вечера я должна была быть в постели, а легла после двенадцати ночи – читала, не могла оторваться! Это обязательно надо опубликовать! Отнесите в «Земляки» или в «Огни Кузбасса» – у Вас это должны не взять, а вырвать из рук! Ведь здесь – нравственный урок и для молодых, только начинающих жить и что-либо понимать в жизни и в человеческих отношениях, и для уже поживших людей, но утративших или не имеющих такой теплоты отношений».

С пожеланием Людмилы Владимировны я ознакомила писателей, и мы даже сбросили эту переписку с моей флешки на один из компьютеров, но публикации не последовало. Да простит меня Людмила Владимировна! Зато представление книги её любимой Галины Аркадьевны Мединой состоялось. Символично название «Пригласите меня...». Конечно же, клуб «Слово» пригласил на встречу с книгой и автора самобытных стихов, и редактора-составителя. Обе незримо присутствовали и наверняка порадовались тому, что случилась эта книга и что они останутся в нашей благодарной памяти навсегда.

Хочу сейчас сделать то, чего не успела сделать при жизни Л. В. Глебовой: представить её в дневниковых записях моего отца, которые он вёл на протяжении почти сорока лет. Разговор с ней об этом у нас состоялся не так давно. И я сказала, что в записях отец отзывается о ней с уважением, хотя иногда у него и мелькали мелкие обиды и недовольство. Жаль, что Людмила Владимировна так и не узнала, *что* именно отец писал о ней, как о человеке.

Исправляю свою ошибку. В эту небольшую книжку собрала все записи М. Небогатова о редакторе его книг, а также её статью о нём и его творчестве и предисловие к одной из отредактированных ею книг поэта.

Помещаю здесь и текст своего выступления на презентации книги Галины Мединой – словом, всё делаю так, как завещала Людмила Владимировна.

Нина Инякина-Небогатова,
г. Кемерово,
февраль-март 2014 г.

Общее примечание к дневниковым записям:

Указанное в круглых скобках «Прим. ред.» – это примечания, которые делала в книге «Михаил Небогатов. ПОЭТ. Дневниковые записи разных лет» Светлана Небогатова – дочь Небогатова, составитель и редактор; мои примечания так и обозначены: «Прим. Н. Инякиной».

I. МИХАИЛ НЕБОГАТОВ. ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ РАЗНЫХ ЛЕТ:

1963 год, понедельник, 30 сентября: Оставшиеся на радио стихи Нелли Николаевна (Соколова. – Прим. Н. Инякиной) мне вернула. По её стеснительности, с которой она это сделала, я понял, что не понравились ей самой, а не Холодку (Василий Холодок, редактор радио. — Прим. ред.), на которого она осторожно намекнула. Но всё равно я эти стихи использую: договорился с Чигарёвой (Зинаида Александровна, журналист, прозаик, драматург. — Прим. ред.) выступить на телевидении. Сейчас готовлю целую передачу.

Два дня встречался с Борисом Михайловичем Колясовым, заведующим идеологическим отделом газеты «Кузбасс». Носил ему стихи, дорабатывал по его замечаниям. Результат встреч — хороший: вчера в «Кузбассе» дали два моих стихотворения — «Время» и «Красота» (впервые за год!). Кроме того, дали стихотворный фельетон за подписью «М. Петров» — это по заказу Фёдора Ефимовича Дёмина (он сейчас заведует отделом советского строительства и быта). Старый мой опекун и славный человек. Буду с ним сотрудничать...

Позавчера звонила Глебова (Людмила Владимировна, редактор отдела художественной литературы книжного издательства. — Прим. ред.), сообщила, что вышел сигнальный номер моих «Родных просёлков». Я пошёл посмотреть. Оформление книжки получилось неплохим: жёлтое с зелёным — просека и деревья. Есть и заставки-рисунки (художник — Гордеев). Обнаружил три опечатки, но не очень вопиющие, из-за них задерживать выход книжки не стоит. А в целом она не очень что-то нравится мне, видимо, из-за однообразия — львиная доля стихов — о природе.

...В издательстве перемены: с 1 октября уходит на пенсию Раиса Фёдоровна Лобанова (главный редактор. — Прим. ред.) и уходит Ванчугов (директор. — Прим. ред.) — его переводят в новое управление кинофикации, оклад — 300 р.! Оба они в целом неплохо относились к нашему брату и ко мне, в частности (особенно Григорий Владимирович, мой почитатель), поэтому я жалею об их уходе.

Воскресенье, 20 октября, вечер: Позавчера я был дважды «именинник»: в 6 часов вечера по радио передавали рецензию Глебовой на «Родные просёлки», а без пяти восемь я начал своё выступление по телевидению. Рецензию я не слышал (на телевидении репродуктора нет), но доволен ею, так как Мусик (домашнее имя жены М. А. Небогатова Марии Ивановны. — Прим. Н. Инякиной) говорит, что Глебова очень тепло отозвалась и о сборнике, и обо мне вообще.

...На другой же день я по телефону поблагодарил Л. В. (Глебову) за доброе слово обо мне.

1964 год, вторник, 10 марта: С первого марта проходила декада, посвящённая 400-летию русского книгопечатания. Издательство планировало ряд встреч писателей с читателями, в этих встречах принял участие и я.

1 марта Глебова, Юров (Геннадий Евлампиевич, поэт. — Прим. ред.) и я были в книготорге. Покупателей собралось немного — человек 30. Глебова рассказала о плане издания художественной литературы на 1965 год, потом мы с Юровым почитали стихи. Слушали бы нас и ещё, но тут ножку нам подставили работники магазина — вынесли пачки новых стихотворных сборников, и любители поэзии отвлеклись от нас, начали расхватывать новинки (особенно набросились на Эд. Асадова). Всё же я успел подписать с десятков автографов на «Родных просёлках». Позднее я узнал, почему у них было мало покупателей — как только начались наши выступления, книготорговцы, оказывается, закрыли дверь в магазин — побоялись, видимо, что под шумок у них растащат много книг. В общем, эта встреча была неважной.

Лучшее впечатление осталось от встречи в областной библиотеке (2 марта). Были: Глебова, Юров, Матвеев и я. Собрались исключительно любители поэзии (человек 50). Мы много читали. Я выступил с лирикой, с сатирой и юмором, с литературными пародиями. Вышло солидно.

Суббота, 20 июня: Утром сегодня сходил в радиокомитет — по заказу Нелли Николаевны сделал выступление, посвящённое годовщине со дня июньского Пленума по идеологическим вопросам. Записался на пленку. Текст и маленькое стихотворение Нелли Николаевны одобрила — то, что надо. Даже Петру Михайловичу (П. М. Попов, председатель радиокомитета. — Прим. ред.) при мне сказала: хорошее выступление будет сегодня в передаче «Культурная жизнь Кузбасса».

Выполнил также другой заказ — Дубровина (Рувим Дубровин, редактор радио. — Прим. ред.), написал публицистическое стихотворение о двухтысячном дне семилетки (передача в понедельник).

Так что некогда мне загорать, рыбачить, каждый день находятя дела. Да и безденежье поджимает. Аванс в издательстве до сих пор не выдали...

Понедельник, 12 октября: Позавчера был в издательстве. Банникова (Виталий Васильевич Банников. — Прим. Н. Инякиной) не застал, беседовал с Глебовой и редактором отдела поэзии Игорем Киселёвым. Договорились, что редактировать мой сборник будет он.

Между прочим, Киселёв передал мне рукопись первого своего сборника стихов для обсуждения его на семинаре 13-14 ноября.

Как пойдёт наша работа над «Майским снегом», трудно сказать. Что за человек Киселёв, я не знаю, впервые встретился с ним. Знаю только, что стихи он пишет традиционные, без выкрутасов. Кстати, он сказал мне, что видел в «Комсомольце Кузбасса» моё стихотворение о Вите Баянове и оно понравилось ему.

1965 год, воскресенье, 14 февраля: В пятницу ходил в издательство – к Киселёву. Отнёс около двух десятков новых стихов.

Киселёв вслух читал их — и оба они, он и Глебова, откровенно радовались. Стихи очень понравились им, особенно «Зори вёсен со мною», которое Киселёв хочет выучить наизусть. А Глебова была в таком настроении, что не удержалась от восторга: «Мне прямо хочется расцеловать вас за такие стихи!» И ещё она сказала, что на этот раз я выступаю в новом качестве.

...Договорились с Киселёвым, что завтра, в понедельник, начнём работу над редактированием сборника. Будет ли он издан в этом году, трудно сказать...

Четверг, 18 февраля: В понедельник я пошёл в издательство, как договаривались с Игорем Киселёвым. Но его на работе не оказалось. Глебова сказала мне, что Игорь собирался лечь в больницу.

...Зашёл Банников, и мы втроём (Мазаев, главный редактор издательства. — Прим. ред.) начали перебирать возможных редакторов. Женя (Евгений Буравлёв, поэт. — Прим. Н. Инякиной) скоро уезжает на съезд — отпадает. Володя Измайлов?

— Нет, — сказал Витя (Банников), — он сам будет давить на меня насчёт своего сборника.

— А Молостнов? — напомнил Мазаев.

— Нет, — ответил я. — Молостнов на всех нас смотрит свысока.

Потом я предложил две кандидатуры — Нелли Николаевны и Вити Баянова. Возражений не было. Тут же Мазаев позвонил в радиокомитет, но Нелли Николаевна отказалась. Я, говорит, уважаю Михаила Александровича, но не берусь за это дело, потому что после моего редактирования сборника Измайлова редакторы издательства внесли свои исправления, т. е. свели мою работу на нет.

Остановились на Вите Баянове.

1969 год, пятница, 25 апреля: Недавно сходил в издательство... взял гранки сборника... Сегодня гранки отнёс. Предисловие Глебовой (редактора. — Прим. ред.) мне понравилось — вдумчивое, серьезное. Людмила Владимировна уловила главные черты моей поэтической работы, основные её особенности, обо всём написала с большим пониманием.

Первое впечатление от будущей книжки хорошее. Нет, пожалуй, стихов, которые могли бы вызвать нарекания. Сказался, по-видимому, строгий отбор, который сделала Л. В. — мой редактор.

Понедельник, 3 ноября: ...Позвонила Глебова, порадовала сообщением о выходе книги «Свет в окне», предложила зайти, взять авторские экземпляры.

Издание очень хорошее, прямо, можно сказать, не провинциальное, как в Москве. В твёрдой обложке, с портретом, с предисловием Глебовой. Правда, из-за картонного переплёта цена книжки немалая — 58 коп. Не всякий раскошелится, особенно студенческой молодёжи не по карману, а ведь она, молодёжь, больше, чем кто-либо другой, любит поэзию, читает её. Старикам-то это ни к чему... Ну, ничего, помаленьку разойдётся тираж, не такой уж великий — 10 тысяч.

1972 год, пятница, 22 сентября: Сегодня у меня радостный день. Утром позвонила Л. В. Глебова, пригласила прийти в издательство, чтобы взять авторские экземпляры только что вышедшего в свет сборника «Спасибо сентябрю».

Из пяти авторских экземпляров три сразу же, в издательстве, подарил – Людмиле Владимировне, Махаловой и Володе Матвееву, которого Глебова попросила написать рецензию. Он обещал.

...Из издательства я зашёл в центральный книготорг и купил про запас 60 сборников... Цена сборника небольшая – 44 коп.

Вышло так, что в сборнике оказалось ни меньше, ни больше, а ровно сто стихотворений. Портрет мой подретушировали здорово — на нём я совсем молодой, лет тридцати. А в краткой аннотации сказано, что работаю я в поэзии более 25 лет. Некоторые читатели, глядя на портрет, могут подумать, что печататься я начал очень рано. Даром, что первую книжку издал, когда мне было уже тридцать с гаком...

1974 год, пятница, 8 февраля, около 10 ч. утра: Забыл записать, что 28 января я отправил в «Огонёк» на имя самого главного редактора журнала поэта Анатолия Вл. Софронова восемь стихотворений на военную тему — ко Дню Советской армии. Не очень надеялся на успех, но вчера вечером, в полдевятого раздался телефонный звонок. Звонил из «Огонька» поэт Евгений Александрович Антошкин (видимо, зав. отделом поэзии). Разговор был короткий, но приятный для меня. Антошкин сказал, что стихи мои получили вовремя, как раз готовится этот номер. Стихи им приглянулись, и нужна фотография. Хорошо бы, говорит, послать её прямо сегодня.... Я пообещал что-нибудь найти.

Сразу же мы — я, Мусик и Вова (младший сын М. Небогатова. – Прим. Н. Инякиной) — начали рыться в домашнем альбоме. Отобрали две — в задумчивой позе и улыбающийся, которая не совсем нравится мне (с чего разулыбался? как-то несолидно для этой подборки). Ещё приложили два типографских оттиска портрета со сборника «Свет в окне», которых у меня несколько тысяч (забыли вклеить в сборник, и часть тиража, большая, вышла без портрета). Сейчас съездил на почту, отправил эти снимки Евг. Ал. заказным авиаписьмом. Может быть, что-нибудь подойдёт.

Обрадован и взволнован я необычайно. Ведь напечататься в «Огоньке» — большая честь. Журнал этот очень популярный, да и тираж его огромный — 2100 тысяч экземпляров. Положительное решение судьбы стихов произошло потому, что послал я их именно Софронову. Он как главный редактор сразу же дал им ход. А послал бы просто на редакцию, где никого не знаю, затерялись бы мои стихи в потоке рукописей, потом пришла бы какая-нибудь вежливая отписка.

Если ничего не изменится, то, как говорят, акции мои значительно повысятся, по-новому отнесутся Чигарёва (главный редактор издательства. — Прим. ред.) и Глебова (редактор) к моему новому сборнику. ...Пока не получу журнал, никому не буду говорить об этом. Всякое ведь случается.

Вторник, 30 апреля, утро: Вчера утром позвонила Глебова и сообщила печальную весть: умер Алексей Фёдорович Абрамович. От кровоизлияния в мозг. Жалко старика. Объективным и доброжелательным критиком был. И как человек нравился мне. Говорят, плохи дела у Саши Волошина. Сломал он опять ногу, она не срастается...

1975 год, 3 ноября, понедельник, 5 ч. вечера: ...Потом перепечатывал стихи для «Комсомольца Кузбасса». Подготовил целую подборку — около двухсот строк. Написал маленькую вставку. Всё это озаглавил «Из новой книги».

Стихи отобрал, по-моему, самые удачные (из написанных за последнее время) — большинство — пейзажные, три — о войне.

Илюшу (Илья Ляхов, журналист, поэт. — Прим. Н. Инякиной) в редакции не застал, поэтому занёс прямо Романову (редактору. — Прим. ред.), который принял это вполне доброжелательно (вместе с подборкой предложил и праздничное — «Площадь Советов» — за подписью М. Александров; Илюша писать стихи для первой страницы недавно отказался — мало платят).

Между прочим, Володя Романов сказал, что мне можно издать и книгу статей о поэзии (из обзоров), она бы моментально разошлась. Это верно. Я ответил ему, что уже говорил об этом с Глебовой (редактором книжного издательства. — Прим. ред.), но она отнеслась к моей идее без воодушевления, заметив, что издательство собирается выпустить подобную книжку Инны Тимошенко. Романов удивился: а где, мол, она печатается, что издавать-то? Пообещал при случае позвонить Банникову, директору издательства: дескать, в редакции лежит несколько писем, авторы которых спрашивают: почему нет до сих пор книги Небогатова о поэзии?

Но всё это, по-моему, впустую...

25 декабря, четверг, 3 ч. дня: Ещё до обеда отнёс рукопись сборника в издательство. Вити Банникова (директора) не было у себя. Зашёл к Чигарёвой (главному редактору). Она встретила меня весьма радушно, приветливо. Посмотрела на название сборника («Земной поклон»), оно ей понравилось. Потом пошли с ней к Глебовой. Глебова сразу же заметила, что рукопись объемистая... Чигарёва пообещала, что будут при определении печатных листов исходить не из договора, а из самих стихов...

1976 год, 17 апреля, суббота, 9 ч. вечера: Утром звонила Глебова. Порадовала. Из восьми стихотворений о любви, написанных недавно (для сборника. — Прим. ред.), которые я ей на днях относил, пять она назвала просто очень хорошими. В этом я и сам был уверен. Три, говорит, или доработаем, или отклоним. Для разговора об этом договорились в понедельник встретиться.

20 мая, четверг, 1 ч. дня: Первая запись в новой тетради значительная. Вчера закончил работу над стихами, которые возвращала мне с замечаниями Глебова. Их оказалось всего двадцать восемь. Стихотворений пять требовали коренной переработки — сделал, а в остальных — построчные доделки.

Не все замечания моего... редактора резонны и правильны... С ними можно и согласиться, и не согласиться, потому что всё слишком субъективно.

Проделанной работой сам доволен, трудился на совесть. Надеюсь, что сейчас рукопись можно уже сдавать в печать.

22 мая, суббота, 5 ч. вечера: Чигарёва порадовала меня сообщением: распорядилась, чтобы сборник сделали сувенирный, небольшой по формату, в коленкоровом переплёте. Я говорю:

— А как Виталий Васильевич, согласен? (Банников, директор издательства. — Прим. ред.)

—... Не думаю, что он будет возражать... — так ответила Чигарёва.

Из этого видно, что от неё в издательстве многое зависит. Марку главного редактора она держит крепко. Точно так же зависела судьба рукописей двух моих предыдущих рукописей от неё, когда она и Глебова браковали их.

На перемене их отношений ко мне в лучшую сторону, я думаю, сказалось не только вмешательство Лисовского (новосибирского поэта, рецензента. — Прим. ред.), не только сами мои стихи, но и моя позиция: я не полез в амбицию в работе с редакторами, охотно принял все их замечания (в основном Глебовой), это удовлетворило их самолюбие и вот результат: с самого начала и до конца работы автора и редактора всё было построено на полном понимании друг друга. Никто не обижен, обоюдное удовлетворение. Считаю, что сборник этот будет не просто хороший, а отличный.

1977 год, 18 января, вторник, 2 ч. дня: ...сказал, что видел в книжном магазине мой сборник.

На другой день с утра я был уже в магазине. Купил шестьдесят экземпляров (попросил в белой обложке). Книга полиграфически издана прекрасно. В середине — в окружении тиснёного серебряного орнамента в две строчки, сжато: «Земной поклон», внизу на чистом поле, тоже в две строки, крупно: «Михаил Небогатов», на обратной стороне обложки — тоже маленькое тиснение: пейзаж с месяцем.

Обложек в тираже — три варианта. Есть ещё серый фон и золотое тиснение, есть всё серое — и фон, и орнамент. Только «Земной поклон» — эти слова на всех вариантах красной краской. Трудно сказать, какой из них лучше, все, по-моему, смотрятся одинаково хорошо.

Утром сегодня позвонила Глебова, попросила прийти за авторскими экземплярами... Какой будет отзыв — нельзя и предположить; как бы там ни было, я просто счастлив, переживаю в эти дни великую радость. Такого красивого томика (из десяти) у меня ещё не было.

В воскресенье «Кузбасс» дал мои краткие заметки о Витиной (Баянова) книжечке «Гость» — «Хороший подарок». Сейчас он звонил мне, благодарил. «Гость» этот недолго гостил на книжных прилавках — разобрали в несколько дней (тираж-то маленький, всего пять тысяч). Витя даже не успел запастись хотя бы небольшой стопкой.

1978 год, 18 августа, пятница, 4 ч. дня: С утра был в издательстве, отнёс рукопись книги «Лето». Зинаида Александровна (Чигарёва) встретила меня радушно, сразу же высказала предположение: «Наверное, новый сборник принесли?» Глебова тоже рада была моему приходу. Зинаиду Александровну я поздравил с выходом её книги «Свет мой ясный». Это её тронуло... подарила мне её с надписью: «Михаилу Александровичу Небогатову с самыми тёплыми дружескими чувствами». В общем, своим визитом я остался доволен. По-моему, у издательства не будет никаких оснований отклонить рукопись, заключение должно быть одобрительным.

1979 год, 29 августа, среда, 6 ч. 30 м. вечера: Вчера по просьбе Глебовой ходил в издательство. Подписал договор на сборник «Лето». ...Редактором моим назначен Витя Баянов; и я этого хотел, и Глебова решила так же, потому что Витя не только прочитал рукопись, а отнёсся к ней творчески, как поэт: предложил варианты своих строк — и везде к лучшему.

1981 год, 19 августа, среда, 4 ч. 30 м. дня: Вчера был у Глебовой (в книжном издательстве. — Прим. ред.) — приглашала взять десять авторских экземпляров «Лета». Ей подарил я со стихотворной надписью: «Людмиле Владимировне Глебовой.

Поднимая тост за это
Солнечное, летнее,

Скажем так про наше «Лето»:

Дай бог не последнее!»

Ей автограф очень понравился.

Оставил также книгу в подарок художнику с надписью: «Василию Кравчуку с благодарностью за хорошее оформление этой книжки».

11 сентября, пятница 11 ч. утра: ...Без десяти минут двенадцать по радио в передаче «Любителям поэзии» прозвучало десять моих миниатюр (читал артист, и читал хорошо). Сразу же после передачи — минут через пять — позвонила мне моя симпатия — милая женщина — Зина Кирчанова, чтобы высказать своё похвальное мнение о прослушанных стихах. Раньше, говорит, я как-то не замечала этого, а сейчас столько в стихах прекрасных слов, красивого — без красотостей, — мудрого. Я, конечно, от души поблагодарил её, передал привет её мужу — Саше (Александр Кирчанов, известный кузбасский художник. — Прим. ред.).

А к вечеру Людмила Владимировна (Глебова) порадовала меня сообщением: из Новокузнецка пришло восторженное письмо на четырёх страницах о моём «Лете». Фамилия читательницы неразборчива — не то Иванова, не то Ивашова.

11 ноября, среда, 4 ч. дня: Звонила Глебова. Просила придумать какие-нибудь (для выбора) названия книги миниатюр («Дни и годы» ей не нравится).

12 ноября, четверг, 7 ч. 30 м. вечера: Название книги я придумал. Немного оттолкнулся от песни Сергея Острового, где есть такие строки: «Всё, что мне видится, всё, что мне слышится, всё, чем живётся и всё, чем мне дышится, ты подарила, земля моя вечная, самая добрая и человечная». Так вот, название книги я сделал такое: «Земля моя добрая». Это — ёмко: на земле – жизнь, люди, природа, и в стихах моих ко всему этому большая любовь. Глебовой понравилось, на том и договорились. Мусику тоже понравилось.

1982 год, 27 марта, суббота, 10 ч. утра: Вчера звонила Людмила Владимировна (Глебова). Порадовала меня приятным известием: в издательство пришёл из Госкомитета по печати обзор книг, вышедших в 1981 году, и в числе трёх других мой сборник «Лето» оценен как нельзя высоко. Впечатление такое, что речь идёт о первоклассном поэте. Эти материалы разосланы по всем областным и краевым издательствам с целью показать, что должно быть образцом хорошего и примером отрицательного...

1983 год, 4 марта, пятница, 12 ч. 45 м. дня: ...Гена Юров поручил мне поздравить с Днём 8 Марта женщин-редакторов нашего издательства – Александру Михайловну Титову, Тамару Ивановну Махалову, Людмилу Владимировну Глебову и Наталью Петровну Захарчук (его жену). И вот что получилось у меня:

Шура, Люда, Тома, Ната,
С днём восьмого марта вас!
Новой книгою весна-то
Вам открыта в этот час.
Люда, Ната, Шура, Тома!
Оказать вам рады честь.
Мы в издательстве — как дома,
Потому что вы здесь есть!
Ната, Шура, Тома, Люда!
Пусть и в новые года
Добрых рукописей груда
Не иссякнет никогда!

Тома, Люда, Ната, Шура,
Говорит вам весь Кузбасс:
Да цветёт литература
Под присмотром ваших глаз!

Вчера продиктовал это Сергею Донбаю. Ему понравилось. Забавно получилось, сказал он. Мне тоже нравится — явная находка. Коротко — обо всём, что надо.

9 июня, четверг, 8 ч. 30 м. вечера: ...Теперь мне предстоит самая трудная и неприятная полоса в подготовке рукописи (сборника «Земля моя добрая». — Прим. ред.) к печати: доработка восьмистиший по замечаниям Баянова (рецензента. — Прим. ред.) и Глебовой.

На ум приходит сопоставление: если кто-то настойчиво будет твердить тебе, что ты — дурак, то и сам усомнишься: а не дурак ли я в самом деле? Отрицательное отношение к восьмистишиям со стороны Баянова и Глебовой (редактора. — Прим. ред.) настолько категорично, что я и сам начинаю ненавидеть эти стихи — плод четырёхлетней систематической работы. Неужели все эти четыре года я тратил силы не на то, что надо?

14 октября, пятница, 1 ч. дня: Вчера перед концом рабочего дня позвонила Глебова и сообщила такую неожиданную для меня новость. На днях заходил к ней Баянов и сказал, чтобы она узнала, не согласен ли я еще посидеть с ним над рукописью сборника, чтобы подготовить часть забракованных им стихов. Я сказал, что подумаю.

...Думал я недолго, согласился... Моя работа с Баяновым ускорит дело.

1984 год, 10 февраля, пятница, 4 ч. дня: Вчера днём позвонила Глебова: уже прислали в производственный отдел гранки моей книги. Я быстро сходил в издательство, взял их. Вчера же внимательно вычитал. Опечаток немного.

А сегодня сделал подсчёт стихотворений... Итого во всём сборнике 107 стихотворений и 3935 строк. На 265 строк меньше, чем полагалось по договору. Это минус где-то 400 с лишним рублей. Это огорчает. Но радуется то, что гранки готовы уже сейчас, значит, выхода сборника можно ждать в апреле или в мае...

23 апреля, понедельник, 5 ч. вечера: Сегодня у меня радостный, можно сказать даже, счастливый день: два часа назад позвонила Глебова:

— Поздравляю Вас, Михаил Александрович!

— С чем?

— С выходом книжки. Приходите за авторскими экземплярами.

...Книжка — в коленкоровом переплете, объёмом чуть-чуть побольше «Лета», а по толщине почти такая же, хотя печатных листов в ней намного больше; это потому, что стихи набраны, как говорят издатели, в подбор, т. е. одно за другим, а не отдельно на каждой странице. Цена небольшая — 90 коп. (у баяновской книжки — 1 р. 30 к.). Зелёным цветом наверху обложки — Михаил Небогатов, а посередине красным — «Земля моя добрая», внизу под палочкой от буквы «р» — что-то зелёное, вроде травки, и красные венчики цветов. Фотография — хорошая: облокотился на что-то и задумчиво (почти анфас) смотрю куда-то в сторону (такой фотографии у меня нет). Шрифт... довольно крупный, «воздух» (просвет) между стихами вполне достаточный.

Вручая мне книжки, Глебова сказала:

— Подумайте, какой будет новая книга. Хорошо бы издать пародии. А то всё в одном и одном жанре у вас.

Пародий на небольшую книжку у меня наберётся, да и новые написать есть время.

24 ноября, суббота, 12 ч. 15 м. дня: За полтора дня по заказу Глебовой для книги стихов и поэм Жени Буравлёва (выход — в будущем году) написал воспоминания о нём — подробно рассказал, как редактировал его первый сборник «Кладоискатели»; само собой, описал первую встречу с ним в издательстве, дал несколько отрывков из писем Жени ко мне — все о работе его над лучшей своей вещью, поэмой «Красная горка», коротко рассказал о посещении его вместе с Витей Баяновым в больнице (за три дня до кончины Жени). Когда вслух читал Мусику это место, дыхание перехватило, голос пропал, и мы оба с Мусиком всплакнули.

По объёму воспоминания краткие — шесть с небольшим страниц. Людмиле Владимировне они понравились...

1985 год, 27 декабря, пятница, 4 ч. 20 м. дня: Звонила Глебова (редактор книжного издательства. — Прим. ред.), чтобы поздравить...

1988 год, 19 февраля, пятница, 11 ч. утра: Глебова (редактор издательства. — Прим. ред.) рукопись сборника «Вечерние огни» зачем-то отправила на рецензирование новосибирцу Коржеву, как будто мои стихи до сих пор нуждаются в этом... Ну, ничего, переживём... «Вечерние огни» включены в план издания 89-го года.

II. АВТОРСКИЕ СБОРНИКИ МИХАИЛА НЕБОГАТОВА, РЕДАКТОРОМ КОТОРЫХ БЫЛА Л. В. ГЛЕБОВА: (всего у него вышло 14 сборников при жизни и 2 – после смерти)

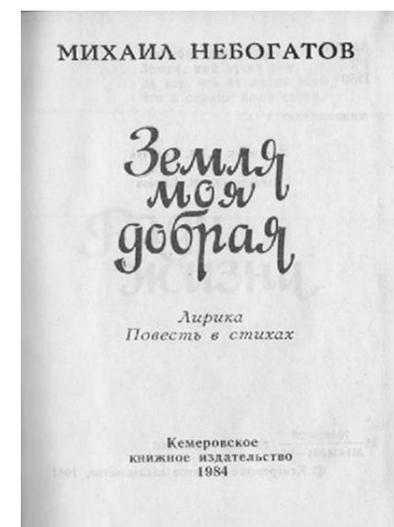
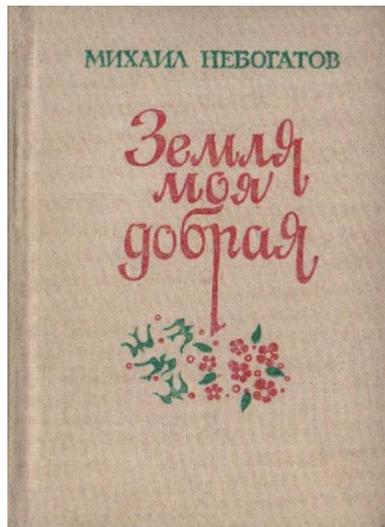
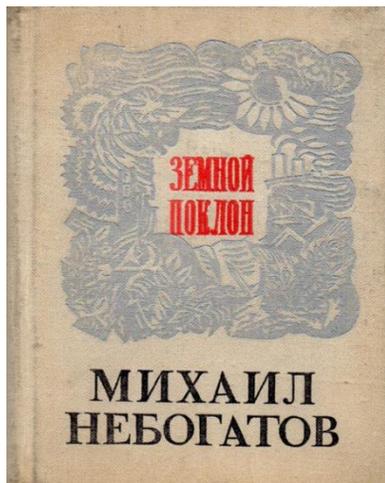
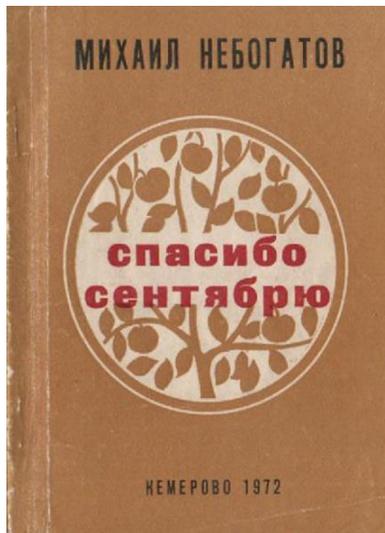
8. «Свет в окне». — г. Кемерово, Кемеровское книжное издательство, 1969 г. Редактор Л. В. Глебова. (С предисловием редактора).

9. «Спасибо сентябрю». — г. Кемерово, Кемеровское книжное издательство, 1972 г. Редактор Л. В. Глебова.

10. «Земной поклон». — г. Кемерово, Кемеровское книжное издательство, 1976 г. Редактор Л. В. Глебова.

12. «Земля моя добрая». — г. Кемерово, Кемеровское книжное издательство, 1984 г. Редактор Л. В. Глебова.

III. СТАТЬЯ И ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ М. НЕБОГАТОВА:

СЛАВИТЬ ЖИЗНЬ

К 75-летию со дня рождения Михаила Небогатова

В начале октября русскому сибирскому поэту Михаилу Небогатову исполнилось бы 75 лет. Шестой год его нет с нами, а его душа, воплощённая в поэтические строчки, продолжает жить и заставляет трепетать наши сердца. Просто и задушевно говорит с читателями поэт, раскрывая красоту и необыкновенность окружающего нас мира. О себе самом, своей музе он сказал точные слова: «Не удивлять, а удивляться я в этот светлый мир пришёл... Моим открытиям нет предела. Дивлюсь, живя среди людей, и красоте лица и тела, и высоте людских идей».

Всем своим творчеством М. Небогатов учит любить жизнь во всех её прекрасных проявлениях: «Будет славить жизнь моя строка» – вот поэтическое кредо Михаила Небогатова.

Но не нужно думать, что поэт видит жизнь одномерно, замечая лишь её красоту и не видя ничего другого, страшных и горьких её сторон.

Жизнь была достаточно трудна для него. Родился поэт в 1921 году в совсем маленьком тогда городе Гурьевске. В пятилетнем возрасте лишился отца. В семье, кроме матери, были ещё брат и сестра Михаила, и «прокормить, одеть нас домохозяйке-матери было нелегко. Нужда была настолько безысходной, что я иногда неделями не ходил в школу: не было обуви. Житейские невзгоды скрашивались дружбой в семье, добротой и лаской матери, – вспоминал впоследствии Михаил Александрович. – Малограмотная женщина, она между тем обладала незаурядным умом, хорошо чувствовала живое поэтическое слово, знала наизусть много стихов (особенно Некрасова и Кольцова). Видимо, от матери пришла к сыну любовь к живому поэтическому русскому слову.

М. Небогатов рано пошёл работать, оставив учение в школе. В апреле 1941 года, девятнадцати лет, был призван в армию. С началом Великой Отечественной войны стал рядовым красноармейцем. Участвовал в боях в Смоленской и Ворошиловградской областях. Война оставила свой страшный след не только на теле (он был тяжело ранен осенью 1943 года), но и в сознании М. Небогатова. Не сразу «отошёл» он от войны, не сразу осознал её последствия. Уроки войны, её ужасы, кровь, смерть заставляли по-новому думать о жизни:

Война не только гнула круто,

Но и учила честно жить.

Учила каждую минутой,

Секундой каждой дорожить...

Ценить, как тот глоток из фляжки,

Судьбой отпущенный нам срок,

И не давать себе поблажки,

Не говорить: – Устал, не смог...

После демобилизации работал военруком. Увлёкся журналистикой и стал литсотрудником областной газеты «Кузбасс». Работал редактором в Кемеровском книжном издательстве. В 1952 г. вышел в Кемерове первый сборник стихов М. Небогатова «Солнечные дни», а в следующем – «На берегах Томи», потом книжка стихов для школьников «Юным друзьям». После выхода сборников «Моим землякам» (1958) и «Лирика» (1961) Михаила Небогатова принимают в Союз советских писателей.

Поэт много и напряжённо работает. Выходят книги стихов в Кемерове. Его стихи печатают журналы «Огонёк», «Наш современник», он – постоянный автор журнала «Сибирские огни».

Поэт учится поэтическому мастерству и приходит к главным для своего дела выводам: писать нужно понятно, писать нужно просто. Но, как оказалось, простота даётся нелегко:

Увы, у многих нет родства,
Нет дружбы с простотой природной,
Не с той, что хуже воровства,
А с той, высокой, благородной.
О, простота! Я с нею рос.
Союз наш крепок и надёжен.
Она – как скромный свет берёз,
И вместе с тем, как блеск из ножен.

В дневнике 1952 года поэт замечает: «Сами поэты отучают читателя от стихов – своим легкомысленным отношением к художественному слову, вычурностью, надуманностью, фальшью». И ещё один вывод для себя: писать только о том, что хорошо знаешь, о том, что пережил:

О чём не подумал,
про то не расскажешь,
О чём не поплакал,
про то не споёшь.

Поэта часто мучает недовольство собой: «Чувствую я глубже, чем выражаю. Говорят, очень полезно ежедневное писание. Может быть. Я вот пишу каждый день – и каждый день те же трудности, что и накануне, что и год назад».

Но трудности поэт преодолевал, совершенствуя стихи и приближаясь к идеалу. Не только трудности создания стихов – главной тяжестью жизни была борьба за кусок хлеба. Росла семья. Часто приходилось писать на заказ. Горестная запись в дневнике: «Не жизнь, а тяжкое существование. И какой шут толкнул меня посвятить жизнь поэзии!»...» Главная моя трудность – безденежье. Просто ума не приложу, чем кормить детей...» И тут же: «Духовная жизнь – вот в чём суть всякой творческой личности». И труд, труд, труд. И вера в себя.

Пусть не стану я большим поэтом.

Пусть со мной стихи мои умрут,
Но пока люблюсь белым светом,
Я не брошу свой заветный труд.

И пока я вижу небо это,
Эту землю, солнце, облака,
Не умрёт во мне душа поэта,
Будет славить жизнь моя строка!

В областной библиотеке им. В. Фёдорова состоялась встреча читателей, посвящённая 75-летию со дня рождения Михаила Небогатова. Пришли студенты архитектурного техникума, кузбасские поэты В. Иванов, С. Печеник, С. Донбай, Б. Бурмистров, И. Куралов, пришли супруга М. Небогатова Мария Ивановна, его дочь Светлана и сын Владимир. Тепло говорили о поэте Небогатове его младшие коллеги по перу. Рассказывали, как внимательно и требовательно относился Михаил Александрович к их творчеству, как направлял и воодушевлял их на поэтический труд. Владимир Иванов отметил, как деликатен в жизни и в критике молодых был Михаил Небогатов.

В течение многих лет на страницах областной молодёжной газеты «Комсомолец Кузбасса» вёл Небогатов «Факультет молодого литератора», с радостью отыскивая крупницы таланта в произведениях молодых стихотворцев. С благодарностью вспоминали об уроках поэта, суровых, но полезных уроках, Семён Печеник, Иосиф Куралов.

Стараниями и заботами вдовы поэта Марии Ивановны в последние годы были выпущены в свет два его сборника: «Времени река» (1991) и «Благодарю, благодарю» (1995). 25 экземпляров этой книжки раздарила Мария Ивановна пришедшим на встречу в библиотеку читателям.

Нет мысли, думы, чувства ли такого,
Чтоб не сумело выразить их слово.
Но иногда в задумчивой тиши
Молчание – как громкий крик души.
Вот дом. Крыльцо.
Окно с поблѣкшей рамой...
В последний раз
Я виделся тут с мамой.
Уже моя в сединах голова...
Ах, как мертвы, никчѣмны все слова!..

НАСЧѢТ ПЕНСИЙ

- Внучек, ты умом, я знаю, зорок.
Пенсии повысят ветеранам?
У меня, к примеру, только сорок...
- Всем повысят, поздно или рано.
- Хорошо б, конечно, чтоб не поздно,
Чтоб налюбоваться белым светом.
Хворости-то наступают грозно,
Как фашисты в сорок первом летом.
- Ничего, дедуля, ты ведь дюжий.
С перестройкой толк у нас немалый.
- А скажи милок, не будет хуже?
- Хуже-то, уж некуда, пожалуй!
- То-то! Сам в сомненье. И не ври вот,
Что, мол, близко счастье у народа,
Коли эти планы – на период
Ажно до двухтысячного года...

ПОСЛЕ БОЯ

За селом, где гитлеровцы драпали,
Где снега от гусениц визжат,
Два солдата – наш и немец – на поле,
Кончив рукопашную, лежат.

Смотрят в небо, мёртвые,
безгласные,
Бившиеся на смерть за село.
Лишь теперь по-мирному согласные,
Что война – ужаснейшее зло.

ПЕРЕПЁЛКА

Опустело на просёлке.
Сна глубокого пора.
Только голос перепёлки
Не смолкает до утра.
Только ей одной забота:
Всю-то ночь она, как мать,
Непослушного кого-то
Уговаривает спать.

Л. Глебова. Г. Кемерово. // Земляки – 1996 – № 46 – С. 5.

«Я СРОДНИЛСЯ НАВЕК С ПОЛЕВОЮ ТРОПОЮ...»

Когда вы начнёте читать этот сборник, то, прежде всего, вы услышите интонацию задушевного дружеского разговора. К читателю – другу своему обращается поэт, человек много переживший, перевидевший, узнавший подлинную цену всему. Внимательный ко всем проявлениям жизни, поэт умеет увидеть прекрасное и значительное в повседневном, незаметном, виденном всеми много раз, он умеет радоваться этому найденному, открытому в повседневности и, открывая красоту мира, учит ценить и любить жизнь, этот «наш краткий праздник бытия». Самое главное в поэзии Михаила Небогатова, на мой взгляд, – ощущение полноты жизни и прекрасности её. Это не значит, конечно, что поэт приемлет всё увиденное, что он утверждает, не отрицая ничего. Его антипатии выражены вполне определённо и резко, но более привлекают внимание поэта Михаила Небогатова светлые стороны бытия. Может быть, поэтому он так часто обращается к изображению природы, её красок, её движений, её непрерывных изменений, хотя он внимателен и к людям. До боли родны и дороги ему русские сибирские просторы с их величественными реками, бескрайними полями, черневой нетронутой тайгой. Ему мил и маленький ручей и полевые колки, трепетно любование поэта распускающимся цветком, закатом и рассветом, его неподдельно радуют «белоснежные, ядрёные» облака, плывущие в сини неба, и пшеничные просторы в тонком июльском мареве, и дальняя избушка в лесу, и девичья песня вдалеке.

Тёплые волны любви к русской природе идут из сердца поэта в его стихи и отдаются в сердце читателя тёплой ответной волной.

Счастлив я и рад необычайно,
Что вижу солнце, синий небосвод,
Что высоко над самой головою
Я журавлей прощальный слышу крик,

Что березняк шумит сухой листвою,
Как милый мне есенинский дневник».

Он благодарен мудрой матери-природе за нетленную жизнь, он с удовлетворением замечает, как благотворно действует природа на человека, как душевнее, мягче, отзывчивее становится городской житель, попав на просторы полей. Вот она, та самая красота и прелесть жизни, которую люди часто не замечают или о которой постепенно забывают, будучи заняты тысячами мелких суетных дел своих. Михаил Небогатов считает, что обязанность и призвание поэта – всегда находить, открывать красоту и напоминать, говорить о ней людям, одаряя их этой красотой в меру своего таланта. В одном из стихотворений он прямо говорит об этом:

«Всеи жизни – бурной, многоликой,
По-детски радуясь, дивлюсь,
И этой радостью великой
Я с вами дружески делюсь».

Михаил Небогатов в своих стихах воспеваает зиму и лето, закаты и восходы, первый подснежник и последний золотистый лист на клёне. Неподдельное восхищение жизнью во всех её вечно обновляющихся проявлениях выражено у Небогатова словами обыкновенными и простыми, в форме привычной и не новой. И это неслучайно: поэт считает, что простые слова и давно открытые формы стиха отлично могут выразить любую важную и серьёзную мысль. Поиски новой формы Михаил Небогатов считает делом второстепенным – говорилось бы в произведении о сокровенном, выношенном в душе, шли бы слова из самого сердца. В «простой» форме не скроешь слабого содержания, и сильное выступает в ней с особой рельефностью.

Любовь к жизни, большая любовь к природе, любовь к людям. По-видимому, это чувство рождает поэтов, и никакой поэт немыслим без него. У каждого оно закладывается в различные моменты жизни.

У Михаила Небогатова любовь к природе возникла незаметно, исподволь, с детских лет. Маленький рабочий посёлок Гурьевск, где в 1921 году в семье счетовода металлургического завода родился сын Миша, со всех сторон был окружён лесами. Первые детские забавы и открытия были связаны с родной природой. Любовь к людям, к живому русскому слову воспитывалась в семье матерью, которая знала наизусть много стихов и песен Некрасова и Кольцова, речь её была пересыпана пословицами и поговорками.

Отец умер рано, и семья была в нужде и лишениях. В 1937 г. Михаилу пришлось оставить учёбу, и он стал работать техником-инвентаризатором. С первых дней войны М. Небогатов был мобилизован. Воевал сначала рядовым красноармейцем, а затем – в звании младшего лейтенанта. Участвовал в боях на Смоленском и Ворошиловградском направлениях. В 1943 году в одном из боёв Михаил Небогатов был тяжело ранен и вернулся в Кемерово. После выздоровления он работал военруком, культмассовиком, литсотрудником газеты «Кузбасс», корреспондентом областного радио, редактором отдела художественной литературы Кемеровского книжного издательства. Особенно по душе пришлась ему работа журналиста, в которую он уходил с головой. Но в нагрудном кармане его пиджака всегда лежала заветная записная книжка, в которую частенько вписывал он строчки сочинённых им стихов, свои первые строчки, их долгое время он стеснялся кому-либо показывать. А через некоторое время его стихи появились на страницах областной газеты «Кузбасс». Её корреспондент, Михаил Небогатов писал для газеты стихотворные репортажи и рассказы о передовиках производства, о

значительных событиях в жизни земляков, о родном Кузбассе, что растёт не по дням, а по часам. Часто из-под его пера выходили гневные сатирические стихи, высмеивающие обывателя и тунеядца, бюрократа и лодыря.

Но не эти стихи привлекали к нему внимание читателя. Полюбились читателю простые и проникновенные строчки Небогатова о природе, о любви к родине. Тут чувствовалась главная тема молодого автора.

Стихотворчеством Михаил Небогатов начал заниматься в юности, но долгое время не придавал этому серьёзного значения. Он писал о себе в одном из своих сборников: «И на фронте и в первое время по возвращении домой я совсем не помышлял о том, что когда-нибудь литература станет моей профессией, стихотворчеством занимался по-дилетантски, между делом.

Началом серьёзной творческой работы считаю 1945 год, когда мои стихи стали частенько появляться в областной газете «Кузбасс».

Лишь в 1952 году выходит первый сборник стихов Михаила Небогатова «Солнечные дни». Во многом они были беспомощными, ученическими. В 1953 году вышел сборник «На берегах Томи», а через четыре года – небольшая книжка стихов для школьников – «Юным друзьям». Затем выходят книжки его лирических стихов «Моим землякам» (1958 г.), «Лирика» (1961 г.). В 1962 году Михаил Небогатов был принят в члены Союза писателей СССР. Поэт много читает, учится, изучает современных советских и русских поэтов, много пишет. В 1963 году в Кемерове выходит сборник «Родные просёлки», три года спустя – сборник «Майский снег».

Война оставила тяжёлый след не только на теле, но и в сознании Михаила Небогатова, хотя стихов о войне, её ужасах у поэта совсем мало. Но дело тут, по-видимому, не в количестве: война заставила взглянуть по-новому на жизнь, на людей, на всё окружающее. Вынесшему на своих плечах её тяготы, глядевшему не раз в глаза смерти солдату жизнь казалась стократ милей и значительней, чем раньше.

С войны вынес он убеждение в неразрывной связи и зависимости людей друг от друга, высокое понятие о дружбе людской, чувство доброжелательности к людям, глубокое чувство уважения к русскому народу, к его прошлому и настоящему, к его героическому мирному труду.

Громкая патетика несвойственна поэту Михаилу Небогатому, удачи сопутствуют ему тогда, когда он говорит тихим задушевым голосом.

Есть цветы огромные, яркие, привлекающие внимание издали. Есть цветы неяркие, скромные, с виду неприметные. Но без них не будет полевого букета, именно эти – обыкновенные, неприметные цветы и придают ему главную прелесть. Присмотрись, как она близка тебе и как много говорит твоему сердцу. Так и поэзия Михаила Небогатова. Он не поразит воображение неожиданной рифмой, экзотическим сравнением, звонкой аллитерацией – она подкупает своей задушевной теплотой и безыскусностью.

В сборнике «Свет в окне» читатель найдёт стихи о природе, о любви, о товарищах, земляках, о родине. Многие из них написаны давно, значительно количество и новых стихов. Готовя сборник к изданию, поэт пересмотрел всё им написанное, многие произведения были переработаны. Автор стремился представить на суд читателей различные по темам произведения, которые считал наиболее достойными быть напечатанными в книжке избранных стихов.

Не представлены в сборнике переводы с шорского и сатирические стихи, которых у поэта немало.

Автор разделил сборник на три раздела, в каждом из них произведения, близкие по теме. Деление это, конечно, весьма условно.

В каждом стихотворении Михаила Небогатова, на какую бы тему оно ни было написано, читатель легко уловит сущность его творчества, о которой он сказал так:

«Пусть не стану я большим поэтом,

Пусть со мной стихи мои умрут,

Но пока люблюсь белым светом,

Я не брошу свой заветный труд.

И пока я вижу небо это,

Эту землю, солнце, облака,

Не умрёт во мне душа поэта,

Будет славить жизнь моя строка!»

«Славить жизнь» – вот то самое главное и верное слово, которое поэт сказал сам о себе.

Л. ГЛЕБОВА

Слева направо:
Н. М. Инякина,
Л. В. Глебова и
Р. М. Чекалдина

Слева направо:
Н.М. Инякина,
Р. М. Чекалдина
и Л. В. Глебова

Л. В. Глебова – в центре, Н. М. Инякина – справа

Клуб «СЛОВО» после представления своей книги «Слово женщины»
(Л. В. Глебова – 1-я слева в 1-м ряду, Н. Инякина – 4-я справа во 2-м ряду,
слева от неё, в розовом – Галина Медина)

Открытка к моему юбилейному дню рождения, подаренная членами поэтического клуба «СЛОВО» 20.10.2011 г. (слева внизу – автограф Л. Глебовой)

Л. В. Глебова и Н. М. Инякина летом-2013 г.

Зори вёсен со мною,
Просыпаюсь – смотрю.
А какой-то весною
Не встречать мне зарю.

Слаблю пору расцвета,
Солнце жаркого дня.
А какое-то лето
Расцветёт без меня.

Слаблю осени просинь,
Желтизну на лугу.
А какую-то осень
Я воспеть не смогу.

Слаблю звонкий зазимок,
Белизны благодать.
А когда-то снежинок
Не смогу увидеть.

Грустно думать об этом.
В край ночной, далеко
И зимою, и летом
Уходить нелегко...

IV. МОЙ ОТКЛИК НА ВЫХОД ИЗ ПЕЧАТИ ПОСМЕРТНОЙ КНИГИ СТИХОВ ГАЛИНЫ МЕДИНОЙ «ПРИГЛАСИТЕ МЕНЯ!»

*Выступление на презентации книги
Галины Мединой в Доме литераторов
Кузбасса (25.02.2014)*

20 июля 2013 года, когда я была в Гурьевске – участвовала в Первых небогатовских чтениях (Гурьевск – малая родина поэта Михаила Небогатова, моего отца. – Прим. Н. И.), умерла моя литературная подруга Галина Медина. Об этом я узнала вечером, по возвращении домой. Эта новость оглушила меня! Я знала о нездоровье Галинки (так обычно я её называла), но всё случилось так внезапно... Тысячи мыслей пронеслись в голове: умерла именно в тот день, когда у Небогатова, когда-то заметившего Галину и напутствовавшего её в Поэзию, состоялся первый, по-настоящему большой праздник, в котором, к слову говоря, собиралась принять участие и она. Готовилась выступить, как один из персонажей подготовленной к печати книги о «Факультете молодого литератора». Книга эта – сборник обзорных статей отца о творчестве начинающих поэтов, к числу которых принадлежала и Галина Медина. Имя её там не упоминается, но она – полноправная героиня этого сюжета.

Да и знакомство наше с ней началось как раз с её рассказа о том, как она однажды, ещё в молодости, посылала письмо маститому поэту, в котором спрашивала, стоит ли ей заниматься этим делом – писать стихи. И он ей ответил примерно следующее: «Способности у Вас есть. А Вы готовы привязать себя к письменному столу? Ведь поэзия – это огромный труд, и одних способностей здесь мало. Этому надо посвятить себя целиком». На что она с готовностью ответила: «Да, конечно! Да я уже себя «привязала». Готова, если понадобится, и «приковать» себя!». Обратилась Галина ко мне с робкой просьбой: набрать на компьютере её стихи, которые она собирается поместить в книгу с уже придуманным ею названием «Живу!». Я с готовностью откликнулась. Мне было приятно, что и я, как когда-то отец, поучаствую в судьбе талантливой поэтессы-самородка. Стихи она, оказывается, писала смолоду, как и я, начавшая записывать свои рифмованные строчки лет с 19-ти. Поэтому, конечно, мне было интересно взглянуть, какие стихи, на какую тему, насколько грамотно и профессионально пишет моя новая знакомая.

Меня подкупило то, как Галина Аркадьевна работает над составлением будущей книги: она сделала очень строгий отбор (а это было непросто – стихов-то накопилось очень много!), выстроила стихотворения в определённом порядке по тематике, а главными, как говорил отец, «ударными» строчками завершила свой сборник. Принесла свою работу в рукописном варианте, где мне ничего не надо было додумывать, не надо было задавать попутно никаких вопросов – всё было чётко, аккуратно, понятно. Справилась я с этой работой очень быстро, дней за пять. Дальнейшее уже зависело от автора. Эту её первую книгу «пробивала» её сестра Таня, до сих пор живущая в Удмуртии, на малой родине Галины. И довольно скоро книжка – небольшой, не очень объёмистый сборничек, «посаженный» на обычные школьные скобочки, больше похожий на ученическую тетрадку, – вышла в свет. Мы трое – литературные подруги Галина, Тереза Щербинина и я – радовались этой первой книжке. Пусть она с виду очень скромная, пусть не очень хорошо свёрстана там, в Удмуртии, – но она вышла, и её можно не только подержать в руках, но и почитать!

Галин успех подхлестнул и нас, её подруг. Все втроём мы активно занялись стихотворчеством. Вошли в привычку наши так называемые «сходы»: собирались у Терезы, в её «литературном салоне», где делились своими новинками, горячо обсуждали, спорили, критиковали, подсказывали друг другу всевозможные варианты стихотворных строчек или отдельных слов, – работали со словом. И... готовили свои поэтические книжки. Бережно храню подаренные мне подругами авторские сборники.

Буквально вчера у меня в гостях была Тереза. Накануне она праздновала свой день рождения. У нас сложилась традиция поздравлять друг друга стихами, собираться дома у именинницы, и, между поздравлениями и пожеланиями, вновь делиться стихотворными новинками. В этот раз мы отмечали день рождения без Галины, но не говорить о ней у нас всё равно не получилось. Я рассказала о представлении её книги, отдала Терезе Галин сборник, заручившись обязательством по прочтении книги её обсудить.

А мои первые впечатления от книги таковы: прочитала её «залпом», сразу по возвращении с представления, которое прошло в областной научной библиотеке 20 февраля. Восхитило отношение членов поэтического клуба «Слово» (руководитель – Кудрявцева-Кузнецова Надежда Яковлевна) к осуществлённой задумке: издать посмертный сборник члена клуба. Как всегда было на Руси: все вместе, как говорят, «всем миром», приняли участие в подготовке и издании этого замечательного сборника. Низкий поклон Катерине Летящей, набравшей книгу, низкий поклон и вечная память инициатору этого издания Людмиле Владимировне Глебовой, вызвавшей не только составить, но и редактировать этот сборник. По моему ощущению, именно эта работа – такая ответственная, с такой самоотдачей – и продлила жизнь Людмиле Владимировне! Ведь у неё хватило жизненных сил ровно настолько, чтобы завершить, а самое главное, успеть увидеть, подержать в руках, почитать своё детище! Думаю, что «кирпичик» Людмилы Владимировны, заложенный в фундамент коллективного труда, один из самых весомых, если не самый весомый. Ведь если бы не её горячее стремление выпустить эту книгу, если бы не её самоотверженная работа над каждым словом, главой, названием разделов и компоновкой стихов по тематике, если бы её не умение отсекал всё лишнее, – этой книги, возможно, и не случилось бы! А так и Галина, и она и вправду пригласили нас к чтению стихов поэта из народа, говорящего на понятном и доступном всем языке, где есть место и возвышенным чувствам, и лёгкой иронии, и детскому лепету, и размышлениям о жизни; есть искренность, душевная открытость, я бы даже сказала, распахнутость навстречу близким, родным, друзьям, вообще всем людям.

Во время чтения я то улыбалась, то смахивала слезинки, то у меня сжималось сердце, то перехватывало дыхание. И неотступно преследовала мысль: родилась песня!

У отца люблю стихотворение «Рождение песни» (сейчас напомним):

Шёл человек полями и лесами.

Смотрел на мир влюблёнными глазами,

Искал слова, чтоб людям рассказать,

Как хороша земля его родная,

И в зимний день, и в день цветущий мая,

Как в этом мире радостно дышать.

Слова теснились пёстрою гурьбою –

С листвою, с цветами, с речкой голубою,

С машинным гулом, с запахом хлебов.

Но всё, что в сердце искрилось и пелось,
Не так звучало, как того хотелось,
И лёгких крыльев не было у слов...
А где-то в поле, памятном от века,
Счастливым взор другого человека
Впивался жадно в ту же красоту.
Его любовь мелодию рождала,
Да только слов ей нужных не хватало,
Чтоб полететь, окрепнув на лету.
И, уловив минуту дорогию,
Одна душа услышала другую –
Как глубока их родственная связь!
Словам дано привольное звучанье,
А смутным звукам – точное названье.
Поют. Ты слышишь?

Песня родилась!

1960

Именно ПЕСНЯ родилась в результате дружного, сплочённого коллективного труда, и даже не две, а гораздо больше душ услышали друг друга, и получилась такая книга. Думаю, что и Галина была бы довольна и счастлива, что эта её книга состоялась. Горжусь тем, что была не только знакома, но и дружна с ней. А то, что теперь её книгу будут читать многочисленные читатели – знавшие и не знавшие автора – это ли не лучшая память о ней!

Завершить хотела бы вновь стихотворением отца, которое как нельзя кстати подходит и к самой Галине, и к её поэзии:

СВОЯ ПЕСНЯ

Песнь у всех по-разному поётся.
Иногда зачином неплоха.
А бывает, голос вдруг сорвётся,
Даст, как говорится, петуха.
Пусть средь запевал – не первый в роте,
Но за ними мне идти, спешить.
И на самой задушевной ноте
Я хотел бы песню завершить.

Галина жизнь–песня завершилась на самой задушевной ноте. И почему-то плакать совсем не хочется, а хочется, наоборот, радоваться жизни, каждому новому дню, вместе с Галей улыбаться, петь, шутить.

Жизнь Галины Аркадьевны Мединой продолжается!

Редактор Л. В. Глебова и поэт Г. А. Медина в клубе «Слово»

Редактор Глебова в хосписе
(работает над посмертной книгой поэта Мединой)

Плоды редакторского труда над книгой

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
М. Небогатов. Дневниковые записи разных лет.....	5
Авторские сборники М. Небогатова, редактором которых была Л. В. Глебова.....	13
Л. Глебова. Статья и предисловие к книге М. Небогатова.....	15; 18
Фотографии (прил. № 1).....	21
М. Небогатов. «Зори вёсен со мною...» (любимое стихотворение Л. В. Глебовой).....	24
Н. Инякина. Мой отклик на выход из печати посмертной книги стихов Галины Мединой «Пригласите меня!».....	25
Фотографии (прил. № 2).....	28